

АРИСТОТЕЛЬ — О ТОМ КАК НАДЛЕЖИТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭНТИМЕМАМИ

Г. В. КАРПОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
glebsight@gmail.com

GLEB KARPOV

Saint Petersburg University

ARISTOTLE — ON HOW ONE SHOULD USE ENTHYMEMES

ABSTRACT: The article criticizes the widespread view of the enthymeme as an abbreviated syllogism, as well as the method of testing its correctness by restoring it to a full categorical syllogism. It is argued that such an approach not only distorts the Aristotelian understanding of the enthymeme as an instrument of persuasion, but also hinders the development of the logic's applied aspect, and makes it difficult to respond adequately to the public demand for its practical application. The main attention is paid to the analysis of the classification of enthymemes in Aristotle's Rhetoric. On the basis of this analysis it is concluded that of the four types of enthymemes only one can be restored to a full syllogism, while the rest should be evaluated by the method of searching for counterexamples. In addition, the article makes a comparative study of the old (Platonova) and new (Tsybenko) Russian translations of the Rhetoric. On its basis, a number of clarifications to the treatment of enthymemes and ways of working with them in Aristotle are proposed, which confirms the invalidity of the concept of enthymeme as an abbreviated syllogism.

KEYWORDS: rhetoric, enthymeme, syllogism, abbreviated syllogism, Russian translation of Aristotle's Rhetoric.

Введение

Мы привыкли смотреть на энтимему как на силлогизм с пропущенной посылкой, а восстановление ее до полного силлогизма рассматривать как средство проверки корректности. Ситуации, когда такое восстановление может идти разными путями и давать поэтому разные результаты, довольно часты и не рассматриваются как какая-то проблема, делающая указанный взгляд почему-либо неприемлемым. Это, однако, не совсем так.

В самом деле, если, например, восстанавливать энтимему «такой-то человек болен, потому что у него лихорадка» по первой фигуре, то силлогизм, который получится, будет правильным: из истинных суждений «тот, кто страдает лихорадкой, болен» и «такой-то человек страдает лихорадкой» следует истинное суждение «такой-то человек болен»; и правильной, следовательно, будет признана энтимема. Если восстанавливать эту же энтимему по второй фигуре, то силлогизм будет неправильным, потому что неверно, что «всякий, кто болен, страдает лихорадкой», и в этом случае будет неправильной и энтимема.

Далее, если, например, восстанавливать энтимему «Жан не обладает разумом, следовательно, он не человек» по первой фигуре, то из истинных посылок «тот, кто не обладает разумом, тот не является человеком» и «Жан не обладает разумом» не получится вывести, что «Жан не человек»; отсюда можно заключить, что эта энтимема неправильная. Если же провести восстановление по второй фигуре, то из истинных посылок «всякий человек обладает разумом» и «Жан не обладает разумом» действительно можно вывести истинное заключение «Жан не человек», и поэтому объявить указанную энтимему правильным рассуждением.

Получается, что энтимема правильна или неправильна в зависимости от того, как мы, т. е. слушатели, те, кому предъявляется это рассуждение, проводим его восстановление до полного силлогизма. Однако, почему в случае с «больным человеком» мы должны предпочесть первую фигуру второй, а в случае с «неразумным Жаном» — вторую первой? Почему, если мы являемся слушателями нелицеприятными, то, желая оценить нам предъявленные рассуждения, мы все же как бы вынуждены думать об их авторах по возможности хорошо — так, как если бы они соблюдали все, что предписывает соблюдать в таком случае силлогистика: брали бы только истинные посылки и соединяли их так, как требуют ее правила? И наоборот: почему мы, как, например, пристрастные слушатели, должны объявить такие и такие энтимемы логически несостоятельными на том основании, что, наряду с возможностью восстановления их до правильных силлогизмов, существует возможность их восстановления до силлогизмов неправильных?

Энтимемы составляют значительную часть наших рассуждений, и связывать их корректность с тем, как решит их восстанавливать слушатель (или, тем более, со спекуляциями на тему того, что, какую фигуру, подразумевал в таком и в таком случае автор энтимемы) означает, очевидно, и отказывать им в способности выполнения реальных убеждающих задач, которые на них некогда возлагались, и, поэтому, вообще, мыслить себе их суть не до конца ясно. Во всяком случае, не так, как предлагал мыслить ее Аристотель — ни тогда,

когда он без какого бы то ни было предварительного определения заговорил об энтимеме в «Риторике» как о самом важном способе, какой используют для убеждения, ни даже тогда, когда он, после, рассуждая о возможностях силлогистической теории в отношении энтимем, действительно связывал, но не отождествлял, виды этих «силлогизмов из знака» с видами силлогистических фигур в «Аналитике».

Эта статья написана с целью не просто ответить на вопрос о том, чем была энтимема у Аристотеля, и как следует мыслить отношения энтимемы и силлогизма, и какие ее могут быть названы виды (в конце концов, внести ясность в эти вопросы не так и трудно, достаточно внимательно прочесть соответствующие разделы «Риторики»¹), но и с тем, чтобы вновь сделать актуальной проблему рецепции трактата о «способности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», который, несмотря на то, что в нем явно и даже на первых страницах определяются и роль риторического искусства, и назначение энтимем, тем не менее рассматривается преимущественно как сочинение об ораторском мастерстве². В особенности остро эта проблема стоит у нас в стране, где публикации в области теории убеждения или аргументации, над которыми продолжает трудиться горстка специалистов, не в состоянии ни охватить все поле соответствующих исследований, ни, часто, дать отечественному читателю достаточное представление о его глубине, ограничиваясь только основными или прикладными, или горячими темами. Так, один из последних комментариев в отношении энтимемы у Аристотеля, и самый известный из них, датирован концом 70-х годов прошлого века (о нем ниже). Содержательно он отсылает ко взгляду на энтимему, бытовавшему в Европе еще в XIX веке, и считавшемуся общепринятым до тех пор, пока У. Гамильтон в своих «Лекциях по логике» 1860 г. не воззвал к пересмотру классического ее понимания (как сокращенного силлогизма), прямо объявив его бесполезным (Burnyeat 1994, 4). Тогда к этому воззванию прислушались, и история интерпретации энтимемы двинулась в новом

¹ Хотя здесь, вероятно, все же обнаруживает себя действие принципа, сформулированного самим Аристотелем по другому поводу, — «известное известно лишь немногим».

² Причем такой взгляд пропагандируется как само собой разумеющийся; формулу, приравнивающую аристотелево искусство убеждения к правилам произнесения речей, можно встретить не только в научно-популярных советских статьях, но и в аннотациях к современным неакадемическим изданиям. См., например, аннотацию к книге 2023 г. издательства «Эксмо» («Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Афоризмы»): «Риторика — известный трактат философа, посвященный ораторскому мастерству».

русле, увлекая в свое течение и другие понятия аристотелевой риторики³. У нас же во многом все осталось и остается по-прежнему⁴: энтимема рассматривается исключительно как сокращенный силлогизм, изобретаются новые, математические, средства ее восстановления до полного силлогизма (Бродский 1996). При этом, в изданной еще в 1894 г. в Санкт-Петербурге «Первой аналитике Аристотеля» в переводе Н.Н. Ланге, в главе 27 книги II, посвященной энтимеме, имелось примечание⁵, в котором прямо говорилось о том, что энтимема по Аристотелю — это не сокращенный силлогизм и упоминались ревизионистские усилия Гамильтона; о них в издании «Аналитики» 1978 г., где аккуратно воспроизводится первая часть комментария Ланге, почему-то не говорится ни слова⁶. Так в отечественных исследованиях, сначала по логике, а потом и по аргументации, «сокращенный силлогизм» сделался догмой.

Эта статья, таким образом, задает новые старые вопросы, ответы на которые, по крайности в исследовательской литературе, издаваемой в России, насколько мне известно, еще не даны. Тем более не отражены соответствующие проблемы и в отечественных учебных пособиях по логике и аргументации. Их освещение — первый этап возвращения энтимеме не просто и не только ее оригинального содержания, но и той роли главного средства убеждения, лишившись которой, став лишь «сокращенным силлогизмом», она превратилась в музейный экспонат, или, что еще хуже, в игрушку, с которой можно забавляться в университетских аудиториях, но которая оказывается совершенно бесполезна там, где речь заходит о настоящем деле. Вдруг выйти за их пределы, не имея реальных условий для практического и неигрового

³ Отражение этих изменений можно проследить, изучив библиографию, составленную по результатам десятилетних (1970-1980) изучений «Риторики» (Erickson 1982) или краткий список статей и книг (по состоянию на 1984 г.), специально посвященных энтимеме (Hood 1984).

⁴ Редким и весьма запоздалым исключением выглядят здесь усилия А.И. Мигунова, сделанные в русле предложений У. Гамильтона (Мигунов 2006).

⁵ «Аристотелевское определение энтимемы отличается, следовательно, от общепринятого в формальных логиках, в которых энтимемой называются силлогизмы с опущенной большей посылкой. Это опущение, как видно из следующего, Аристотель не считает существенным признаком (Ср. W. Hamilton, Discussions on philosophy etc., стр. 152 и след.)». См. Ланге 1894, 196.

⁶ «Энтимема в аристотелевском значении существенно отличается от энтимемы в понимании традиционной формальной логики, хотя об опущении очевидной посылки говорит и Аристотель (см. ниже 70a19–20). Аристотелю энтимеме можно описать следующим образом <...>». См. Микеладзе 1978, 637.

применения соответствующего знания, энтимеме едва ли удастся — во всяком случае до тех пор, пока мы будем продолжать видеть в ней исключительно сокращенный силлогизм, вопреки и исследованиям западных специалистов еще позапрошлого и прошлых веков, и тем определениям, которые можно извлечь из «Аналитики» и «Риторике» самостоятельно.

Понятие энтимемы в «Риторике»

Текст «Риторике» не был опубликован в составе логических работ Аристотеля, выпущенных издательством «Мысль» в 1978 г. (хотя простое и непредвзятое рассуждение показывает, что ей там самое место, ведь главное, что занимает риторику — способы убеждения, а не стиль или средства воздействия на чувства аудитории). Но в том же году в «Издательстве московского университета» вышло собрание античных риторических трактатов «Античные риторики», включающее эту работу, которая стала к тому времени, как отмечает в предисловии А.Ф. Лосев, библиографической редкостью. Сегодня «Античные риторики» — практически единственное академическое, т. е. снабженное научным аппаратом — комментарием, общим и постраничным, системой перекрестных ссылок, издание «Риторике»⁷.

Вот первое появление «энтимемы» в нем: «Между тем авторы систем [риторики] не говорят ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть [прим. 2] доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу...» (1354 а 15). Сразу же обращает на себя внимание то, что Аристотель говорит об энтимеме так, как будто это понятие хорошо знакомо читателям, или слушателям, его ученикам — никакого его определения не предлагается. В комментарии к этому месту (примечание 2) А.А. Тахо-Годи предлагает следующее определение: «*Энтимема* (греч. *enthymema* «то, что находится в уме» — *en thymoi*) — логическое доказательство, высказанное не полностью, часть которого подразумевается. Это логическое умозаключение, в котором из двух высказываний, посылок, следует новое высказывание, заключение, той же структуры, что и посылки. <...> У Аристотеля энтимема <...> относится к риторическим средствам убеждения в той же мере, как и вообще другие типы логических доказательств, которыми оперирует риторика» (Тахо-Годи 1978, 293).

⁷ В 2000 г. вышел еще один, второй перевод, выполненный О.П. Цыбенко, со статьей В.Н. Марова и постраничным комментарием меньшим по объему в три раза, по сравнению с комментарием издания 1978 г.; этот перевод, как мне известно, не пользуется популярностью или хотя бы известностью в академической среде, где предпочтение по-прежнему отдается классической работе Н. Платоновой 1894 г. и, соответственно, книге 1978 г.

В этой формулировке упомянуты понятия логического доказательства, логического умозаключения, риторического умозаключения, силлогизма, риторических средств убеждения. Каковы отношения этих понятий — неясно, что, помимо чрезмерной длинны, само по себе делает неясным все определение. То ли из него следует, что доказательства (они же — умозаключения?) бывают логическими и риторическими; то ли, что среди средств убеждения встречаются доказательства различных видов, или, напротив, риторические средства убеждения — это вид риторического доказательства или оно само?.. О том, какое место занимает в этой конструкции силлогизм, также можно только догадываться. Однако, далее Тахо-Годи, комментируя наиболее важные с точки зрения поднятых вопросов места, *дважды* будет ссылаться на указанное примечание, считая его по-видимому вполне достаточным для определения энтимемы, силлогизма и доказательства, как и отношений между ними.

По поводу данного в скобках номинального определения, «то, что находится в уме», замечу, что в толковом словаре греческих слов Liddell-Scott-Jones, в статье ἐνθύμημα лишь в последнем, седьмом пункте, и с пометкой *поздн., лог.*, читаем: «энтимема, неполный силлогизм (syllogismus imperfectus)», в то время как в п. 1 указано, что энтимема — это мысль, размышление, рассуждение. Вероятно, что именно в таком наиболее распространенном и общеупотребительном смысле и следует понимать слова о «сути доказательства», открывающие книгу Аристотеля: в основе доказательства, о котором полагается говорить тогда, когда нужно строить риторическую систему, должно лежать именно рассуждение, а не разные движения души тех, к кому оно обращено — средства их возбуждения пренебрежительно именуются «аксессуарными», т. е. тем, что к доказательству относится не самым прямым образом. Вот действительный смысл фразы, если принимать во внимание неслучайное отсутствие определения и статью греческого толкового словаря. Отталкиваясь от такого общеупотребительного содержания понятия энтимема, Аристотель в дальнейшем, как мы увидим, дает ему новое содержание, делая термином своей риторической системы и используя для этого понятия, заимствованные в основном из его «Топики».

Так, в следующей главе, он, поделив способы доказывания, какими пользуются ораторы, на энтимему и пример, указывает на различие в этих способах, «очевидное из *Топики*»: «...когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно наличности какого-нибудь факта, то такое заключение там [в *Топике*] называется наведением, здесь [в «Риторике»] — примером. Если же из наличности какого-нибудь факта заключают, что всегда или по большей части следствием наличности этого факта

бывает наличие другого, отличного от него факта, то такое заключение называется там силлогизмом, здесь же энтимемой» (1356 b 10).

Итак, энтимема — это рассуждение, которое предлагает в своей речи оратор публике, и которое заключается в выведении «наличности факта» из какого-то другого факта, также имеющего место. В таком случае энтимема — это именно силлогизм, умозаключение, так как в «Топике», действительно, умозаключение определяется сходным образом: «...умозаключение есть речь, в которой если нечто предположено, то через положенное из него с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного» (100 b 25).

Внимательнее приглядимся к этим определениям из «Топики» и «Риторики», и к похожим местам из «Риторики», где также говорится об энтимеме. Во-первых, в данных формулировках имеется различие, которое состоит в добавлении оговорки «всегда или по большей части» в «риторической» версии определения. Во-вторых, Аристотель, в одном месте «Риторики» называя недвусмысленно энтимему силлогизмом (1356 b 4), в других местах все же прибегает к выражению «некоторого рода силлогизм»: первый раз в главе 1 книги I (1355 a 8) и второй раз, когда он буквально повторяет эту формулу, — энтимема есть некоторого рода силлогизм — в главе 24 книги II (1400 b 40).

Эти фрагменты, как может показаться, плохо согласующиеся между собой, породили два противоположных взгляда на отношение энтимемы и силлогизма. Первый из них явно приравнивает одно к другому, второй видит в энтимеме силлогизм лишь *в некотором роде*, как бы силлогизм, т. е. нечто, только напоминающее силлогизм, но им в прямом смысле слова не являющееся — то, что дает верное заключение на основании верных посылок по большей части, но не всегда, не с необходимостью. Для того, чтобы достигнуть в этом вопросе ясности, указав на то, как на самом деле соотносятся между собой энтимема из «Риторики» и силлогизм, понятый вполне в духе «Топики» (или «Аналитики»), нужно изучить то, что Аристотель говорит в своем риторическом сочинении о видах энтимем.

Виды энтимем в «Риторике»

Аристотель отмечает, что среди положений, из которых составляются энтимемы, одни «имеют характер необходимости», а другие, каковых большинство, — «характер случайности», и что «энтимемы выводятся из вероятного или из признаков, так что каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них» (1357 a 30).

В следующих предложениях вероятное определяется как то, что случается по большей части, но может случиться и иначе; признаку же определения не дается, вместо этого Аристотель делит признаки на виды: «...одни из них

имеют значение общего по отношению к частному, другие — частного по отношению к общему; из них те, которые необходимо ведут к заключению, называются явными доказательствами; те же, которые не ведут необходимо к заключению, не имеют названия, которое соответствовало бы их отличительной черте (1357 b 1-5).

Это деление признаков, вместе со сказанным выше о необходимых и случайных положениях, и о совпадении их с вероятным и признаком (о чем говорит фраза «каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них»), можно понимать трояко.

Во-первых, так, что существуют следующие четыре вида признаков: те, которые имеют значение общего по отношению к частному, те, которые имеют значение частного по отношению к общему, те, которые необходимо ведут к заключению, и те, которые не ведут необходимо к заключению.

Во-вторых, так, что существуют такие четыре вида признаков: от общего к частному и необходимые, от общего к частному и не необходимые, от частного к общему и необходимые, от частного к общему и не необходимые.

В-третьих, сказанное Аристотелем о видах признаков можно понимать так, что существует какое-то другое их число, меньшее четырех.

Против первого предположения говорит то, что пример энтимемы, который приводит Аристотель далее (Сократ был мудр и справедлив, поэтому мудрецы справедливы), является примером, основанным на признаке от частного к общему, и, одновременно с этим, — тем, что может быть опровергнуто, т. е. — рассуждением, которое не ведет необходимо к заключению. Это значит, что признаки, которые имеют значение частного по отношению к общему, могут быть не необходимыми признаками.

Против второго предположения говорит то, что в последующем тексте не находится ни примера энтимемы, ни упоминания признаков, которые бы имели характер частного по отношению к общему и при этом вели бы к необходимому заключению.

Следовательно, указанное Аристотелем деление признаков скорее всего следует понимать так:

- существуют признаки общие по отношению к частному, они бывают:
 - необходимые (группа А) и
 - не необходимые (группа Б);
- существуют признаки частные по отношению к общему, они бывают:
 - не необходимые (группа В).

Последовательность обращения к элементам этой наиболее правдоподобной классификации признаков у Аристотеля следующая: сначала общая характеристика группы А⁸, после — примеры энтимем для трех указанных групп: наличие у Сократа свойств мудрости и справедливости как признак того, что мудрецы справедливы (пример 1 — для признаков из группы В); наличие у такого-то человека лихорадки как признак того, что он болен⁹ (пример 2 — для признаков из группы А); наличие у такого-то человека учащенного дыхания как признак того, что он страдает лихорадкой (пример 3 — для признаков группы Б).

Таким образом, если в основании энтимемы лежит необходимый признак, то она дает явное доказательство; если в основании энтимемы лежат не необходимые признаки, то они дают доказательство, справедливое по большей части. Подтверждение тому, что этот фрагмент следует понимать именно так, можно встретить много позже, в главе 25 книги II, в отрывке 1402 b 14-20:

«Итак, энтимемы вытекают из четырех источников, а эти четыре источника суть правдоподобие, пример, доказательство, признак. Энтимемы, составленные на основании того, что бывает действительно или, по-видимому, по большей части, суть энтимемы, основанные на правдоподобии, энтимемы, [получающиеся] с помощью наведения на основании подобия одного или многих случаев, — когда мы, взяв общее положение, затем делаем заключение к частному случаю, суть [энтимемы, опирающиеся] на доказательство. Энтимемы, [образованные] с помощью признаков, суть энтимемы, вытекающие из понятия общего и частного — существующего и несуществующего».

Как видим, здесь указаны четыре источника энтимем («правдоподобие», «пример», «доказательство» и «признак») и сформулированы определения для трех из них. На основании этих определений можно судить, что «энтимемы, опирающиеся на доказательство» — то же, что энтимемы, дающие необходимое заключение и основанные на общих признаках (или группа А указанного выше деления), «энтимемы, образованные с помощью признаков» — то же, что и не необходимые энтимемы, которые исходят из общих признаков (группа Б), а энтимемы, имеющие в качестве своего источника пример, суть не необходимые энтимемы, исходящие из частных признаков

⁸ В этом фрагменте Платоновой, очевидно, выпущено «не». Предложение «...ибо когда люди думают, что сказанное ими может быть опровергнуто...» следует читать как «...ибо когда люди думают, что сказанное ими не может быть опровергнуто...».

⁹ Или равнозначный ему пример: наличие у такой-то женщины молока есть признак того, что она родила.

(группа В). «Правдоподобие» же из главы 25 книги II есть то же, что и «вероятное» из главы 2 книги I.

Такое сопоставление позволяет распутать отношения между понятиями «необходимое», «случайное», «вероятное» и «признак», несколько затемненное словами о том, что «каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них», приводившимися выше, и дать общее деление видов энтимем. Итак, по Аристотелю, в зависимости от характера посылки, следует выделить:

- энтимемы, основанные на вероятном, и
- энтимемы, основанные на признаках, которые, в свою очередь, бывают:
 - энтимемами, основанными на необходимом признаке, это энтимемы-доказательства, и
 - энтимемами, основанными на не необходимом признаке, они делятся на:
 - энтимемы, основанные на не необходимом общем признаке (это энтимемы-признаки в собственном смысле) и на
 - энтимемы, основанные на не необходимом частном признаке (это энтимемы-примеры).

Теперь можно увидеть основания, по которым в «риторическое» определение энтимемы включены слова «всегда или по большей части» и по которым энтимема то называется силлогизмом прямо, то — с оговоркой: в некотором роде. Если из наличности какого-нибудь факта всегда можно заключить о наличности другого факта — то перед нами вид энтимемы, именуемый доказательством; если из наличности какого-нибудь факта можно лишь иногда, хотя и по большей части, заключить о наличности другого факта, то перед нами энтимема, основанная на вероятном, или энтимема-признак, или энтимема-пример. Силлогизмом, таким образом, в смысле, определенном «Топикой», следует считать только энтимемы-доказательства. Силлогизмом «в некотором роде» — все прочие виды энтимем: два вида энтимем из признака, и энтимемы, основанные на вероятном.

Свой пассаж о видах энтимем Аристотель заключает словами: *τί μὲν οὖν εἶκός ἐστι καὶ τί σημεῖον καὶ τεκμήριον*, что Платоновой переведено на русский как «итак, мы сказали, что такое вероятное [εἶκός], признак [σημεῖον] и примета [τεκμήριον]» (Тахо-Годи 1978, 23). Очевидно, что вместо «примета» здесь

должно стоять слово, обозначающее доказательство, которое основано на необходимом признаке — как единственный вид энтимемы из знака, который дает необходимое заключение, его, поэтому, Аристотель выделяет особо¹⁰.

Виды энтимем в «Аналитике»

Еще одно подтверждение корректности интерпретации фрагмента «Риторике», повествующего о видах энтимем, можно найти в главе 27 книги II «Первой аналитики», посвященной энтимемам». Здесь Аристотель снова утверждает, что «энтимема есть именно силлогизм из вероятного или из знака» (70 а 10). Комментатор, отмечая, скажем острожно — вслед за Н.Н. Ланге, что аристотелевская энтимема — это совсем не то же, что энтимема в обыкновенном смысле, реконструирует ее форму, на основании данного определения, так: «Если А обычно присуще Б, а Б присуще В, то А вероятно присуще В» (Микеладзе 1978, 637). Очевидно, что эта реконструкция аристотелевской энтимемы учитывает лишь один ее вид, энтимему, основанную на посылке о вероятном, и ничего не говорит о трех других видах. Вместе с тем, ясно, что вторая часть определения, «или из знака», указывает на энтимему-доказательство, энтимему-признак и энтимему-пример. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить примеры энтимем, данные в «Аналитике», с их примерами из «Риторике».

«Эта женщина имеет молоко есть необходимый знак того, что она беременна» по своей форме соответствует примеру 2 о больном лихорадкой человеке (когда на основании признака того, что у человека лихорадка, заключают, что он поэтому болен), оба рассуждения — энтимемы-доказательства, которые, в том случае, если истинны их посылки, не могут быть опровергнуты.

«Эта женщина бледна есть знак того, что она беременна» — соответствует примеру 3 о человеке с учащенным дыханием (когда на основании признака наличия учащенного дыхания заключают, что поэтому человек страдает лихорадкой), оба рассуждения — энтимемы-признаки, которые могут опровергнуты, даже если верны посылки.

«Питтак честен есть знак того, что мудрецы честны» соответствует примеру 1 о Сократе (когда признаком того, что мудрецы справедливы призна-

¹⁰ Ср. с английским переводом: we have now explained the meaning of probable, sign, and necessary sign (Aristotle, Rhetoric, ed. J. H. Freese), и с переводом О. Цыбенко: «Итак, что такое вероятное, признак и доказательство...» (Цыбенко 2000, 12).

ется, то, что Сократ мудр и справедлив), эти рассуждения — энтимемы-примеры, и они также могут быть опровергнуты, несмотря на истинность посылок.

Интересно отметить, что теперь, в «Аналитике», Аристотель не презентует виды энтимем как те, что основаны на общем и частном признаке, необходимым и случайном, как он делал это в «Риторике», а ассоциирует их с фигурами силлогизма: энтимема-доказательство устроена по образу и подобию первой фигуры простого категорического силлогизма, энтимима-признак — по «средней» фигуре, энтимема-пример — по третьей. Это объясняют, как правило, тем, что «Аналитика» была, вероятнее всего, написана после «Риторики» (см., напр. Rapp 2023, раздел «Aristotle's Works on Rhetoric» и Raphael 1974), тогда как «Риторика» создавалась, соответственно, в ту пору, когда силлогистика еще не была изобретена, и ее аппарат не мог быть поэтому употреблен для описания видов, форм энтимем».

Краткость энтимем

Сегодня ни один учебник логики не определяет энтимему как силлогизм из вероятного или из знака, но в каждом из них об энтимеме говорится как о сокращенном силлогизме. О том, что в энтимеме могут быть пропущены посылки, действительно, можно прочесть в «Риторике», например, во фрагменте 1357 а 15-20: «И энтимема, и пример выводятся из немногих положений; часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если которое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель, например, для того, чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают». Но здесь, как видим, пропуск посылки не является тем, что делает энтимему энтимемой, и проистекает из особенности употребления этого вида рассуждений, которую задает сама ситуация. Как объясняет Аристотель, оратор, используя энтимемы и примеры как единственные доступные ему способы доказательства, обращается как правило к аудитории, состоящей из людей заурядных, т. е. тех, кто не в состоянии охватить длинную цепь рассуждения. Поэтому, по необходимости, он выбирает только самое нужное из множества посылок и опускает все то, что как ему кажется публика может, посчитав общеизвестным, домыслить сама. Пример с Дорием как раз и дается исключительно в контексте этого замечания. Это как бы искусственная, механическая и может быть не совсем удачная иллюстрация взаимодействия оратора и аудитории.

Я считаю ее не совсем удачной, т. к. несколько ранее Аристотель пишет о том, что в целом энтимемы касаются того, что нуждается в обсуждении, т. е. того, что и может иметь другой исход, и относительно чего нет правил, как поступать. Очевидно, что пример с Дорием не из таких. Однако именно эта искусственная энтимема была принята за эталон. Хотя, с тем же успехом, в качестве такового можно было бы взять «Сократ мудр и [Сократ] справедлив, поэтому мудрецы справедливы» — энтимему, где даны сразу обе посылки. И это не единственный случай, когда энтимемой объявляется силлогизм, состоящий из трех суждений — двух посылок и заключения. Так в «Аналитике» можно встретить примеры энтимем (силлогизмов из признака), состоящих из двух посылок и заключения, построенных как по первой фигуре, так и по третьей: Питтак щедр, ибо честлюбивые щедры, Питтак же честлюбив — силлогизм из признака (т. е., по определению, — разновидность энтимемы) по первой фигуре; мудрецы добродетельны, ибо Питтак не только добродетелен, но и мудр — силлогизм из признака (энтимема) по третьей фигуре («Аналитика», 70 а 25).

В этой связи интересно сравнить переводы соответствующего фрагмента Б.А. Фохта и Н.Н. Ланге. Фохт: «Если же высказана будет лишь одна посылка, то получается один только знак; если же прибавлена и другая посылка, то получается силлогизм, как, например, что Питтак щедр, ибо честлюбивые щедры, Питтак же честлюбив» (Микеладзе 1978, 252); Ланге: «Если взята [только] одна посылка, является лишь признак; если же присоединена и другая посылка, то силлогизм [от признака], например, силлогизм, что Питтак щедр, ибо все великодушные щедры, а Питтак великодушен...» (Ланге 1894, 192), полужирное начертание в двух случаях — мое. Как видим «[от признака]», отсутствующее у Фохта, и добавленное в перевод Ланге, существенным образом меняет смысл фрагмента: энтимема не перестает быть энтимемой и в том случае, если в ее составе даны обе посылки, т. к. и в этом случае она — силлогизм из знака.

Вот почему продолжать видеть в энтимеме сокращенный силлогизм, а инструмент проверки корректности этих рассуждений, составляющих содержание аргументативных, нацеленных на убеждение, практик, ассоциировать лишь с силлогистическими правилами, означает, исходя из всего сказанного выше, и в лучшем случае, — не понимать основной смысл «Риторики» (вспомним: энтимема — суть, «тело» доказательства), а, по существу, не понимать того, как устроена и как должна оцениваться аргументация, по крайности та, что сводится к изобретению энтимем и содержится в произносимых и написанных речах. Поэтому, как это показывает в том числе и рассуждение-пример с силлогизмами о большом лихорадке и о неразумном

Жане, вынесенное в начало статьи, следует как минимум поставить под вопрос приемлемость использования правил силлогистики в отношении видов энтимем, отличающихся от явного доказательства, с целью проверки их корректности. И, усомнившись в допустимости их применения с этой целью, нужно затем попытаться отыскать в тексте «Риторики» инструкции, которые предоставляют в наше распоряжение иные, лучшим образом соответствующие энтимеме как силлогизму из вероятного или из знака оценочные средства.

Критерий корректности энтимем из знака

Итак, установлено, что энтимемы указанных четырех видов делятся Аристотелем на те, которые могут быть опровергнуты, даже если верна посылка, и на те, которые не могут быть опровергнуты. Основанием такого деления выступает понятие общего и частного признака. Так, если признак, упомянутый в посылке, частный, то энтимема может быть опровергнута (это энтимема-пример); если признак общий, то энтимема не может быть опровергнута при условии, что этот общий признак необходимый (и тогда это энтимема-доказательство); в противном же случае, такая энтимема также может быть опровергнута, и она — энтимема-признак. Умение разделять признаки на частные и общие, вкуче с умением судить об общем признаке как о необходимом и не необходимом, лежат в основании искомой процедуры оценки энтимем из знака.

Отделить признак, который идет от общего к частному, от противоположного признака не так сложно, несмотря на то, что примеры энтимем из «Риторики» и «Аналитики», упоминавшееся выше, не позволяют сделать вывод о том, какое именно понятие следует брать в качестве признака. В «Аналитике», где терминология силлогистической теории используется для описания форм силлогизмов из вероятного или из знака, сказано, что вообще признаком может выступать любой из терминов силлогизма, но преимущественно в качестве такового выступает признак, который дает знание, а таким следует признать именно средний термин («Аналитика» 70 b 1). Ничто не мешает ретроспективно распространить это замечание на «Риторику». Так, пример с Сократом является рассуждением от частного к общему потому, что по мудрости и справедливости одного заключают о мудрости и справедливости многих. Напротив, энтимемы «эта женщина бледна, значит она беременна» и «у этой женщины молоко, значит она родила» являются примерами рассуждений от общего признака к частному на основании того, что отталкиваясь от свойственного всем бледным и всем, у кого молоко, заключают об одной этой женщине. При этом, совершенно не обязательно ни

именовать «бледных» и «тех, у кого молоко» средним термином, ни подразумевать, что имеет место ясно мыслящаяся, но почему-то скрытая или выпущенная из рассуждения связь между беременными и бледными, родившими и теми, у кого молоко.

Большую трудность представляет выяснение основания деления признака на необходимый и не необходимый. Рассмотрим для этого примеры энтимем-признаков из «Аналитики» и «Риторики» еще раз, обращая внимание на тот способ опровержения, который предлагает Аристотель. Следующая таблица поможет сравнить два примера рассуждений этого рода.

	«Аналитика» 70 a 20	«Риторика» 1357 b 15
Энтимема-признак	Эта женщина бледна, значит эта женщина беременна.	Этот человек часто дышит, значит этот человек страдает лихорадкой.
Фигура	II фигура	-
Может быть опровергнуто, потому что...	-	Иногда приходится часто дышать человеку и не страдающему лихорадкой.
Считают доказанным?	Это считают доказанным.	Кто-нибудь считает это доказательством.
Почему считают доказанным?	Потому что бледность сопутствует беременным.	-

Естественно, что в «Риторике» мы не встречаем упоминания фигуры, в соответствии с которой построена энтимема. Интересно, что, напротив, в «Аналитике», при упоминании фигуры, отсутствует опровержение, имеющееся в аналогичном случае в «Риторике», — так, как если бы его формулировка была здесь лишней. Действительно, в таком опровержении как будто нет нужды, т. к. всякий, теоретически, может сначала сопоставить данное рассуждение с тем, как должно быть устроено рассуждение подобного типа, заданного фигурой, и затем признать его состоятельность или несостоятельность на основании соответствующих типу правил. Однако, если бы Аристотель формулировал опровержение для «женщина бледна» на манер того, как это сделано в «Риторике» для аналогичной энтимемы, то оно было бы таким: иногда приходится быть бледной той, что не беременна. Равным образом, если бы Аристотель называл фигуру, по которой построена энтимема из «Риторики», то он бы сказал, что она построена по второй фигуре.

Тогда, если бы мы восстанавливали эти энтимемы так, как это предлагают делать учебники логики (см., например, Бочаров, Маркин 2008, 261), то мы бы

написали: «беременные бледны, эта женщина бледна, значит эта женщина беременна», — в первом случае, и «кто страдает лихорадкой, часто дышит, этот человек часто дышит, этот человек страдает лихорадкой», — во втором. В указанном месте «Риторике», откуда взят пример энтимемы, Аристотель пишет, что рассуждение может быть опровергнуто даже в том случае, если верна его *посылка* («это может быть опровергнуто, если даже верно это утверждение»). Очевидно, что речь идет о *данной* посылке, а не о той, которую как бы добавляют сами слушатели как общеизвестную. И действительно, если сопоставлять опровержение «иногда приходится часто дышать человеку и не страдающему лихорадкой» не с *данной*, а с *добавленной посылкой* «кто страдает лихорадкой, часто дышит» (и, аналогично, для другой энтимемы, если сопоставлять опровержение «иногда приходится быть бледной той, что не беременна» — с «беременные бледны»), то нетрудно заметить, что эти суждения оказываются совместимыми по истинности. Если все же рассматривать данные опровержения как опровержения полных силлогизмов, то следует признать, что они делаются не с тем, чтобы показать ложность добавленной посылки, а с целью указать в ней на нераспределенный средний термин: не все, кто часто дышат, страдают лихорадкой, и не все, кто бледны, беременны. Но в таком случае признаки «часто дышать» и «быть бледной», на основании которых и построены энтимемы, являются именно *необходимыми* признаками для лихорадки и беременности (конечно, при условии истинности добавленных посылок), ведь если неверно, что человек часто дышит, то он и не болен лихорадкой, и если неверно, что женщина бледна, то и неверно, что она беременна.

И только в том случае, если, вопреки тому, что говорит Аристотель, взять обе энтимемы построенными не по второй, а по первой фигуре, и добавленные посылки сформулировать как «бледные беременны» и «кто часто дышит страдает лихорадкой», то опровержения, предложенное Аристотелем, и то, которое сформулировано по аналогии с предложенным, действительно противоречат добавленным посылкам, а «быть бледной» и «часто дышать» становятся, и в самом деле, не необходимыми признаками для «быть беременной» и «болеть лихорадкой».

Таким образом, если мы хотим проверить корректность этих энтимем, действуя при этом так, как предписывают учебники логики, то мы должны восстановить их до полного силлогизма; если мы восстанавливаем их по второй фигуре, ориентируясь на указание из «Аналитики», то признаки, на основании которых они построены, следует признать необходимыми, что противоречит тому, что сказано в «Риторике»; если мы восстанавливаем данные энтимемы по первой фигуре, то признаки бледности и частого дыхания

должны быть признаны не необходимыми (для беременности и лихорадки соответственно), что хотя и согласуется с тем, что говорится о рассуждениях такого рода в «Риторике», но является неправильным с точки зрения того, что написано о них в «Аналитике», где отмечается, что такие энтимемы полагаются строить именно по второй фигуре.

Если, напротив, отбросить попытки использования силлогистических правил для проверки корректности энтимем и следовать примерам опровержения, сформулированным Аристотелем, то для того, чтобы определить признак как необходимый или не необходимый, и через это указать на тип энтимемы, нужно, обратившись к житейскому опыту, по возможности найти опровержение энтимемы «если факт А, то факт Б» вида «иногда имеет место факт А, но не факт Б». Если такое опровержение обнаруживается, то это свидетельствует о том, что перед нами энтимема-признак; если такого опровержения нет, то мы имеем дело с энтимемой-доказательством. Причем искать такое опровержение — не то же, что восстанавливать энтимему до полного силлогизма, присоединяя к тому, что высказано явно, некоторую якобы общеизвестную посылку.

Вспомним знаменитое рассуждение Холмса, в котором тот рассказывает Ватсону как с помощью «простейшей цепи умозаключений» он пришел к выводу о том, что Ватсон недавно вернулся из Афганистана. Одним из звеньев этой цепи была такая энтимема: Ватсон держит левую руку неподвижно и неестественно, значит он был ранен в левую руку. Это не энтимема-пример, т. к. рассуждение не предполагает перехода от частного к общему, как это имеет место в случае с рассуждением про Сократа и мудрецов. Это не энтимема-доказательство, т. к. возможно опровержение — ситуация, когда кто-то держит руку неестественно и неподвижно, но не потому, что он был ранен в эту руку, а потому, например, что он ее ушиб и т. д. Перед нами, следовательно, энтимема-признак. Если бы мы восстанавливали ее до полного силлогизма, то, в зависимости от выбранной фигуры, добавляли бы такие посылки: или «кто ранен в руку, держит ее неестественно и неподвижно», или «кто держит руку неестественно и неподвижно, ранен в руку». Опровержение, открывшее нам вид энтимемы, несовместимо по истинности с «посылкой, которую добавляют сами слушатели» только в том случае, если эта посылка часть силлогизма, построенного по первой фигуре, но не по второй. Однако нет почти никаких оснований¹¹, по которым мы должны рассматривать это рассужде-

¹¹ Если только в качестве такого основания не взять самые общие соображения о том, что обыкновенно думают о соотношении таких и таких понятий. Тогда, в самом

ние как силлогизм, построенный по первой фигуре, причем такой, из которого, из соображения экономии времени или, руководствуясь софистическими мотивами (т. е. с целью ввести собеседника в заблуждение, утаив от него заведомо ложное), затем была удалена одна из посылок, большая. Скорее всего, это понятно, Холмс, рассуждая в условиях, когда нет никаких строгих правил, допускает, что неестественному положению руки может сопутствовать рана, т. е. исходит из того, что является обыкновенным. Ясно, что здесь нет и не может быть никакого правила, регулирующего отношение между теми, кто держит руку неестественно, и теми, кто ранен.

Истинные и кажущиеся энтимемы

Аристотель выделяет среди энтимем настоящие и кажущиеся энтимемы. Способы построения последних описаны в главе 24 книги II «Риторики». Из восьми способов, какими можно строить кажущиеся энтимемы, особенно интересны в связи со сказанным о видах энтимем из знака, два, первый и четвертый в порядке изложения. Во-первых, пишет Аристотель, кажущаяся энтимема получается тогда, когда некоторое рассуждение копирует внешние отличительные черты настоящей энтимемы, но при этом само не является силлогизмом. Например, «быть невоздержанным вредно, поэтому быть умеренным хорошо» — настоящая энтимема; «он спас одних, отомстил другим» — только кажущаяся: она похожа на настоящую, т. к. в ней есть и краткость, и противопоставление (одни/другие, спас/отомстил) — то внешнее, что сразу бросается в глаза¹². Но эта последняя энтимема — именно кажущаяся

деле, *может показаться*, что Холмс использует скорее вторую фигуру, чем первую, ведь «кто ранен в руку, держит ее неестественно и неподвижно» больше походит на истину, чем «кто держит руку неестественно и неподвижно, тот ранен в руку»... Впрочем, понятно, что такое основание — весьма шаткое, ведь, например, в случае с энтимемой «я мыслю, следовательно, я существую» те же общие соображения подсказывают, что здесь, если только вообще имеет смысл восстанавливать это рассуждение до полного силлогизма, на истину больше походит, что «тот, кто мыслит, — существует», чем «кто существует, тот мыслит», и поэтому в «я мыслю, следовательно, я существую» заключена не столько вторая, сколько первая фигура.

¹² В этом пункте перевод Платоновой искажает мысль Аристотеля: «... того-то и того-то нет, следовательно, то-то и то-то необходимо существует. Такое рассуждение, сжатое и противоположное [энтимемам], кажется энтимемой, ибо такой способ выражения относится к области энтимемы» (1401 а 5). Хотя «энтимемам» и взято в квадратные скобки, оно все же совершенно лишнее: «того-то и того-то нет, то и то

яся, т. к., ясно, что на силлогизме она не основана, как не основаны на силлогизме и энтимема-признак, и энтимема-пример, почему они, таким образом, целиком могут быть причислены, если следовать только одному этому рассуждению, к кажущимся энтимемам.

Другой способ построения кажущейся энтимемы сводится к рассуждению на основании признака, из которого также не может получиться силлогизм. Аристотель приводит два примера такого рассуждения: когда на том основании, что любовь Гармония и Аристогитона ниспровергла тирана Гиппарха, делается вывод о том, что влюбленные полезны для государства, и когда из того, что Дионисий дурной человек, заключают, что Дионисий вор (1401 b 10). И снова первая энтимема соответствует по своей форме энтимеме-примеру; вторая — энтимеме-признаку.

Таким образом, Аристотель утверждает, что модели, в соответствии с которыми построены энтимема-признак и энтимема-пример, могут использоваться как для построения настоящих энтимем, так и для создания энтимем только кажущихся, однако о том, как отличить одни от других, он умалчивает. Остается только еще раз отметить, что и настоящие, и кажущиеся энтимемы-признаки и -примеры, в принципе, по определению, не содержат силлогизма, следовательно пытаться его там обнаружить, «восстанавливая» данные рассуждения, присоединяя к ним посылки или явно ложные, или такие, которые, взятые вместе с высказанным, не обеспечивают связь посредством среднего термина между терминами заключений, — означает, пытаюсь оценить подобные рассуждения, двигаться по заведомо ложному пути и мерить их линейкой, которая к ним неприложима.

Заключительные замечания

На вопрос о том, что такое энтимема по Аристотелю и каковы ее разновидности, может быть дан следующий ответ, как бы определение через перечисление, раскрывающее известное определение Аристотеля о силлогизме из вероятного или из знака. Энтимема — это:

- или необходимое рассуждение, основанное на общем признаке и предлагающее частный вывод (1),

существует» не противоположно энтимемам, а *само* содержит в себе противоположность «нет/есть», и потому напоминает настоящую энтимему, которой противоположность сама по себе свойственна. Тот же фрагмент в новом переводе Цыбенко (2000, 107): «Итак, того-то и того-то нет, следовательно то и то необходимо есть». В риторической речи способ выражаться сокращенно и от противного представляется энтимемой, ибо такой стиль относится к области энтимемы».

- или не необходимое рассуждение, основанное на общем признаке и предлагающее частный вывод (2),
- или не необходимое рассуждение, основанное на частном признаке и предлагающее общий вывод¹³ (3),
- или рассуждение на основе вероятного положения (4).

Ответ на вопрос о критерии корректности энтимем получает следующие очертания. Только в случае (1), случае энтимемы-доказательства, этим критерием могут в некоторой степени выступать известные требования корректности силлогистического вывода, и только тогда, когда мы готовы не принимать во внимание различия, существующие между посылками, основанными на знаке, и посылками-простыми категорическими суждениями; в случаях (2), (3), и (4) на место такого критерия заступает житейский опыт, подсказывающий конкретные, фактические примеры, суждения о которых противоречат тому, что утверждается в рассуждениях-энтимемах этих видов. По желанию говорящего, который соотносится в своей речи со способностями аудитории, рассуждения-энтимемы могут быть сокращены. Но и тогда руководствоваться силлогистическими правилами с целью их проверки, с учетом сделанной выше оговорки, допускается, по-видимому, лишь тогда, когда перед нами энтимема вида (1), представляющая собой собственно силлогизм, явное доказательство. Обыкновенно, на деле никакого восстановления пропущенной посылки не требуется ввиду того, что использование законов силлогистики в случае энтимем вытесняется неформальной альтернативой, и, замечу, не только тогда, когда приходится иметь дело с энтимемами-примерами, или энтимемами-признаками, но и во всех случаях вообще. Действительно, хотя и верно, что силлогистические правила совершенно неприменимы к энтимемам из знака, отличным от энтимемы-явного доказательства, но столь же верно и то, что способ опровержения, предложенный для этих энтимем в «Риторике», может быть приложен и к собственно явному доказательству, и, поэтому, никаких препятствий универсальному использованию формулировки возможного опровержения для утверждения «если то и то, то что-то другое» вида «то и то есть, а другого нет» не существует.

¹³ В таком случае, этот вид энтимемы слабее, чем даже пример, т. к. пример исходит не из одного частного случая, а из нескольких.

Наконец, если сопоставить то, что в начале «Риторики» Аристотель говорит о способах убеждения, «доставляемых речью»¹⁴, с представлением о видах энтимем, то это даст следующий общий перечень средств убеждения, доступных оратору (исключая так называемые нетехнические средства убеждения — «свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.»). Так, всякое произнесенное им высказывание, которое преследует цель убеждения, по своему содержанию может касаться:

- нрава, т. е. характера самого говорящего, или
- страсти, настроения слушателя, или
- собственно, предмета выступления; в качестве такового это высказывание может быть:

- примером, или
- энтимемой —
 - кажущейся или
 - настоящей; настоящая энтимема¹⁵, в свою очередь,

подразделяется на:

- энтимему из вероятного и
- энтимему из знака; а эта последняя бывает:
 - необходимым доказательством, или
 - не необходимым доказательством; которое в свою очередь может быть:
 - энтимемой-признаком (и тогда идет от общего к частному), или же
 - энтимемой-примером (и тогда оно идет от частного к общему)¹⁶.

¹⁴ Где «речь» нужно понимать, я полагаю, как то, что обозначает не столько ораторское выступление, сколько высказывания, из которых оно складывается — как «высказывающая речь» в «Об истолковании». Виды речей есть, следовательно, виды высказываний. Это согласуется с позднейшим риторическим правилом диспозиции, когда начинать рекомендовалось с нравов, затем переходить к доказательствам, касающимся сути предмета выступления, и заканчивать возбуждением в аудитории страстей — т. е. с правилом, предписывающим использовать разные виды речей/высказываний сразу, в одном выступлении.

¹⁵ Или *и* настоящая, *и* кажущаяся — этот вопрос остается открытым.

¹⁶ Интересно, что в «Аналитике» (70 а 30) Аристотель указывает на то, что виды энтимем из знака выстраиваются иерархически в зависимости от возможности опровержения. Так, энтимема-доказательство (силлогизм из знака, построенный по первой фигуре) неопровержима, энтимема-пример (силлогизм из знака по третьей

Вот вопросы, которые порождает это деление, и на которое еще только предстоит найти ответ: верно ли, что энтимемы (кажущиеся и настоящие) и примеры могут использоваться в том числе и в высказываниях («речах»), касающихся нравов и страстей? каковы критерии правильности энтимемы, основанной на вероятном? почему одни энтимемы только кажущиеся, а другие — настоящие, и верно ли, что среди, энтимем-признаков и энтимем-примеров все же можно отличить как настоящие, так и кажущиеся энтимемы? Я думаю, что внимательное чтение «Риторики», а по сути, открытие ее заново, впервые после 1978 года, чему не в последнюю очередь помогает и новый перевод «Риторики», и первый русский перевод «Аналитики», несправедливо забытый, и обширный массив западной исследовательской литературы, из которого освоена лишь малая и самая его заметная часть, уже сама ставшая классикой, не может не поспособствовать тому, что ответы на большинство этих вопросов будут найдены, и что благодаря этому мы откроем истинный смысл «Риторики», как трактата, занятого сначала именно исследованием средств убеждения, и только потом стилем или ораторскими стилистическими изысками, вообще — ораторским мастерством.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Тахо-Годи, А.А., ред. (1978) *Античные риторики*. Издательство МГУ.
- Цыбенко, О.П., пер. (2000) *Аристотель. Риторика*. Москва: Лабиринт.
- Микеладзе, З.Н., ред. (1978) *Аристотель. Сочинения в четырех томах*. Т. 2. Москва: Мысль.
- Ланге, Н.Н., пер. (1894) *Аристотель. "Первая аналитика" Аристотеля*. Санкт-Петербург: В.С. Балашева и К°.
- Бродский, И.Н. (1996) «О формальной процедуре восстановления энтимемы», *Вестник Санкт-Петербургского университета* 6.1, 34–39.
- Мигунов, А.И. (2006) «Энтимема в аргументативном дискурсе», *Логико-философские штудии* 4, 149–165.
- Бочаров, В.А., Маркин, В.И. (2008) *Введение в логику: учебник*. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М.
- Burnyeat, M. F. (1994) "Enthymeme: Aristotle on the Logic of Persuasion", David J. Furley & Alexander Nehamas (eds.), *Aristotle's Rhetoric: Philosophical Essays*. Princeton University Press, 3–56.
- Erickson, K. V. (1982) "A Decade of Research on Aristotle's Rhetoric: 1970-1980", *Rhetoric Society Quarterly* 12.1, 62–66.

фигуре) может быть опровержима, а энтимема-знак (силлогизм из знака по второй фигуре) — всегда и во всех случаях опровержима.

- Hood, M. D. (1984) "The Enthymeme: A Brief Bibliography of Modern Sources", *Rhetoric Society Quarterly*, 14.3/4, 159–162.
- Rapp, C. (2023) "Aristotle's Rhetoric", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition)*, Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), <<https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/aristotle-rhetoric/>>.
- Raphael, S. (1974) "Rhetoric, Dialectic and Syllogistic Argument: Aristotle's Position in "Rhetoric" I-II", *Phronesis* 19.2, 153-167.

References in Russian

- Taho-Godi, A.A., ed. (1978) *Ancient Rhetorics*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Tsybenko, O.P., tr. (2000) *Aristotle. Rhetoric*. Moskva, Labirint.
- Mikeladze, Z.N., red. (1978) *Aristotle. Works in four volumes*. Т. 2. М.: Mysl'.
- Lange, N.N., tr. (1894) *Aristotle. Aristotle's "Prior Analytics"*. Sankt-Peterburg: V.S. Balasheva i K^o.
- Brodskij, I.N. (1996) "On the Formal Procedure of Enthymeme Restoring", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 6.1, 34–39.
- Migunov, A.I. (2006) "The Enthymeme in Argumentative Discourse", *Logiko-filosofskie shtudii* 4, 149–165.
- Bocharov, V.A., Markin V.I. (2008) *Introduction to Logic: A Textbook*. М.: FORUM: INFRA-M.